

елена арсеньева

ПОСЛЕДНИЙ ЧОГГРАМ

Елена Арсеньева
Последний чограм

«Елена Арсеньева»

2014

Арсеньева Е. А.

Последний чограм / Е. А. Арсеньева — «Елена Арсеньева»,
2014

Да что вообще произошло?! Только что Володя сидел рядом с дедом в вертолете... а теперь стоит посреди густой, непроходимой чащи один-одинешенек – и совершенно не представляет, что делать, куда идти. А тайга вокруг шепчет на тысячу голосов, деревья тянут к нежданному гостю колючие хищные лапы, и горят тревожным желтым огнем глаза зверя, скрытого лесными тенями... И о какой голубой лилии говорят странные люди, с которыми сводит его судьба? Также повесть выходила под названием «Брат чудовища».

© Арсеньева Е. А., 2014

© Елена Арсеньева, 2014

Содержание

Голоса в тайге	6
Шалаш неизвестной старухи	8
История старой Унгхыр	10
Раненый зверь	14
Шаман	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Елена Арсеньева

Последний чограм

На обложке использован фрагмент картины Юлия Клевера «Девственный лес».

Посвящается Полине

Вертолет все же сел, а не упал, хотя это казалось чудом. Вершины деревьев, которые с высоты напоминали сплошное колючее одеяло, укутавшее сопки, вдруг неохотно, сердито треща, расступились, открыв небольшую полянку на самой вершине. Долго еще с лиственниц сыпались мягкие зеленые лапки, трепетали сломанные ветки, а в долину катились камни, дробным перестуком заглушая недовольный гул потревоженной земли. Не скоро все стихло.

Вертолет был единственным видом транспорта здесь, на севере. Далеко на юге острова остались большие города, в которых было все, что нужно людям: школы, библиотеки, магазины, заводы, автомобили, уютные дома. А в этих местах поселки были разбросаны столь редко, что пересчитать их хватило бы пальцев одной руки. Люди всегда селились на побережье, поближе к терпким студеным ветрам и тугим зеленым волнам. С давних пор те волны щедро давали рыбу; ее отвозили в города, переправляли даже через пролив, на материк. Но еще и потому жались поселки к воде, что люди предпочитали шум волн тишине тайги. Было что-то затаившееся, угрожающее, опасное в той тишине...

Пассажиры вертолета ощутили эту тишину сразу. Их испуганные голоса гасли, словно слабые огоньки в буран, не в силах пробить плотное молчание сопки и темноту деревьев. Чудилось, будто отовсюду смотрят внимательные, недобрые глаза. Конечно, это просто казалось, потому что никакой зверь не осмелился бы подойти: отпугивали человеческие голоса, да и вертолет распространял вокруг отвратительный для звериного нюха запах металла и горючего.

Пилот сразу сообщил о вынужденной посадке, и с ближнего аэродрома обещали быстро прислать помощь. И все-таки люди были встревожены так, словно им предстояло пешком, долго и трудно, пробираться сквозь тайгу неизвестно куда.

Основания для тревоги были. Один из пассажиров исчез. Как? Никто не успел этого понять, даже Алексей Петрович Зиновьев, бывший капитан сейнера¹.

Когда вертолет начало трясти и подбрасывать, Алексей Петрович потерял сознание, а открыв глаза, увидел, что люди уже пытаются выбраться из вертолета.

Место рядом с Зиновьевым было пусто. Человек, который здесь сидел, двенадцатилетний внук Зиновьева Володя, исчез.

Да, предчувствие страшной потери не обмануло старого капитана...

¹ Сейнер – небольшое рыболовецкое судно.

Голоса в тайге

Это было непостижимо! Только что Володя сидел в тесном вертолете, приткнувшись окаменелым плечом к такому же напряженному плечу деда, каждую секунду ожидая удара о землю. Вдруг ему показалось, будто стены кабины странно выгибаются и искривляются, словно они стали мягкими, и неведомая сила начала тянуть их в разные стороны. Все краски померкли, ощущение безнадежности навалилось на него, как тяжкий, неподъемный груз. «Сейчас вертолет развалится, и мы все погибнем!» – в ужасе подумал Володя – и вот через миг, менее краткий, чем движение моргнувших век, он ощутил, что стоит, а вокруг...

С ветвей корявых берез спускались длинные тонкие растения. Они крепко обвивали и березы, и кустарник, и даже траву. На еловых лапах висели борода мха, похожего на мочалку-рогожку. Некоторые деревья казались седыми. Приглядевшись, Володя увидел, что они оплетены паутиной, которая свешивалась с веток и медленно колыхалась на ветру.

Володю передернуло. «Хорошо, хоть пауков не видно», – мелькнуло в голове. Впрочем, и без пауков было страшновато. Паутина напоминала то седые пряди волос, то длинные бес-телесные руки призраков, которые тянулись к нему.

Паутина совсем загубила неизвестное дерево. Листьев на нем и в помине не осталось – торчали острые, как ножи, голые сучья.

Опасная штука – такие вот сучья!

На всякий случай Володя попятился под защиту густо-зеленой молодой пихты², и та положила ему на плечо мягкую зеленую лапу.

В первое мгновение это прикосновение показалось дружеским и ободряющим, но тут же он ощутил, как колючие иглы начинают медленно впиваться в тело. Казалось, пихта пока пробует, но вот-вот вонзит их во всю силу!

Володя отпрянул от пихты и встал посреди полянки.

Немедленно что-то оплело его ступни и поползло к коленям, стреноживая его, словно строптивного коня.

Змея?!

Володя поперхнулся криком ужаса. Нет, не змея – просто тонкая гибкая травинка. Но какая-то уж больно шустрая...

«Где я?! – подумал Володя, пытаясь не поддаваться панике. – И где вообще вертолет?»

Поднял голову. В вышине, над вершинами деревьев, поблескивал тоненький, еще бледный серебристый месяц. Значит, уже вечер. Совсем скоро они должны были сесть в Прибрежном. Там ждет бабушка... Что случилось все-таки? Где же дед? Как узнать?

Володя рассеянно обшарил карманы джинсов, хотя отлично знал, что мобильника там быть не может. Телефон остался в куртке, а куртка осталась в вертолете...

То есть у него нет никакого средства для связи с людьми. Разве что только их найти. Пойти и найти... Но куда пойти-то? Где искать?!

А вдруг все погибли?

Володя с трудом подавил всхлипывание. Он совершенно не представлял, что делать...

Сумерки наступали со всех сторон. Они прокрадывались из-за елей и заливали лес зелено-прозрачным перламутровым полумраком. Тайгой завладела тишина. Казалось, даже если сейчас разразится буря, она не в силах будет нарушить эту дремоту: только перетасует в небе облака, прошумит по вершинам деревьев, а здесь, внизу, не колыхнется ни одна веточка, ни одна травинка. И вдруг...

² Пихта – дерево, похожее на ель, ее много на Дальнем Востоке и в Сибири. Места, сплошь заросшие пихтой, называются «пихтач».

– Кто ты? – спросил чей-то голос. Казалось, он исходит из ветвей, корней, листьев при- тихшей тайги.

Володя от неожиданности вскинулся, но тут же сжался в страхе. Будто мягкая прохладная лапа провела по его разгоряченной спине. Холодом обвеяло шею. Казалось, всю тайгу напол- няет вкрадчивый, протяжный шепот.

Вдруг так и понесло, понесло студеным ветром сквозь листья и траву, причем Володе почему-то показалось, что кто-то стоит сзади и дует ему в спину!

Резко обернулся – и зажмурился: так ударило студеным вихрем по глазам! Показа- лось, или за деревьями мелькнула человеческая фигура? Кто-то худой, маленький, в черной одежде...

Показалось? Нет?

Ветер стих так же внезапно, как начался.

Стало тихо, только откуда-то издали доносился шелест травы, треск подлеска. Какой- то зверь проламывался? Или кто-то убежал?..

– Кто ты? – снова зазвучал медленный голос.

Володя не смог бы ничего сказать, даже если бы попытался. И тут он услышал неподалеку жалобный плач. словно крошечный щенок или котенок звал мать. Этот звук надрывал сердце!

Володя приподнялся, прислушался. Но прямо перед его лицом расступились папорот- ники, и возник смутный женский силуэт.

Это ее видел Володя за деревьями, когда дул студеным ветер? Нет, она появилась с другой стороны... Или их здесь много, этих людей? Может быть, кто-то видел вертолет? Знает, как к нему выйти? Надо спросить.

Но он не успел.

– Спасайся! – проговорила женщина, и Володя узнал тот же медленный голос, что звучал прежде. – Спасайся! Это чограм! Беги за мной!

– Почему? – спросил Володя, которому было стыдно своего страха, стыдно, что этот страх видит какая-то неизвестная женщина. Хотя, наверное, будет страшно, если ты вдруг оказался в таежной глуши и там творится невесть что!

Незнакомая женщина наклонилась к нему, и Володя увидел, что она очень старая, даже старше, чем его бабушка. И она тихо забормотала, словно произносила заклинание, мрачно глядя в его глаза своими узкими, длинными глазами:

– Если в таежной глуши раздастся свирепый рев тигра, вой голодного волка или тяжелая поступь медведя, пусть готовит охотник оружие, укрепляет дух свой и вострит глаз, потому что его жизнь и слава охотничья сейчас в его руках, во власти его смелого сердца.

Если в таежной глухомани послышится жалобный плач, словно слепой щенок скулит, потеряв свою мать, пусть забудет охотник о том, что привлекло его в тайгу, пусть доверится крепости своих ног и силе своего дыхания, отдавшись долготу и стремительному бегу, который сейчас один только может спасти ему жизнь, потому что не щенячий плач это слышится, а голос чограма.

– Я не видел никакого чограма, – прошептал Володя, которому стало еще страшней оттого, что старуха не говорит, а как бы поет.

– Твое счастье, – выдохнула она. – Видевший чограма погибал всегда.

– Погибал? – тупо повторил Володя. – Но почему?

Она хотела что-то сказать, но замерла. Снова раздался тот же звук – щемящий и жуткий одновременно, и Володя почувствовал, как оцепеняющий холод сковывает все его существо.

Он с силой мотнул головой, пытаясь прогнать наваждение. Но оно не исчезло.

В эту минуту старуха дернула его за руку и приказала:

– Бежим!

Володя задергал ногами, вырываясь из травяных пут, и послушно бросился вперед.

Шалаш неизвестной старухи

– Ты пришел с восточного склона? – спросила неизвестная старуха.

Володя пожал плечами. Он и впрямь не знал, восточным или западным был тот склон, на котором он странным образом оказался, а может быть, северным или южным... Но старуха, кажется, решила, что он согласился с ее словами:

– О! Это заколдованное место! Я забрела туда в поисках травы ас для жертвоприношения и увидела в вышине железную птицу. Она, не взмахивая крыльями, летела. Наверное, ранена была, потому что стонала громко все время.

Самолет, догадался Володя. Или вертолет? Может быть, тот самый, на котором летел он! Неужели его не ищут? Неужели все погибли? Может быть, в живых остался только он? Но он ничего не помнит... Провалы в памяти от шока – в книжках пишут, такое иногда бывает. Но что с дедом? Володя чуть не застонал от ужаса.

– Мне надо найти вертолет, – попытался объяснить он. – Вертолет! Мы летели в Прибрежное. С юга – на северное побережье. Там нас ждет бабушка... Вы бывали в Прибрежном? Это ведь довольно большой поселок: там школа есть, больница... там магазины! Вы были в магазинах в Прибрежном? Или, может, в больнице? К зубному врачу обращались?

Судя по выражению старухиного лица, она вообще не понимала, о чем речь. Ну и, конечно, спрашивать, есть ли у нее мобильник, было совершенно бессмысленно.

Это, наверное, какая-нибудь местная отшельница! Поэтому живет вдали от цивилизации и даже знать о ней не желает!

Темно-коричневое морщинистое лицо старухи было неподвижно. Только в щелочках век проблеснули вдруг глаза – в них отразилось пламя маленького костра, горевшего посреди шалаша, куда она привела Володю. Потом старуха снова заговорила, будто запела:

– Это случилось так давно, когда лебеди еще не умели летать. Тогда родился наш остров. Раньше западный берег был восточным, а восточный – западным. Но однажды Хозяин Моря разгневался за что-то на людей. За что? Кто теперь помнит! Он перевернул остров. Его спина стала животом и погрузилась в море, живот стал спиной – на нем тайга выросла.

«Что-то в этом роде я читал, – вспомнил Володя. – «Конек-горбунок»! Чудо-юдо рыба-кит, а на спине – деревня! Похоже! Но зачем она рассказывает мне сказки?»

– Не говори того, чего нет на самом деле, – сказала между тем хозяйка шалаша. Пламя костра снова замерцало в ее глазах. – Старую Унгхыр не обмануть туманными словами! Я знаю, что не осталось живых людей ни на юге, ни на севере. Ты, наверное, явился из Млыво – селения мертвых... О нет, не бойся! – сказала старуха мягче. – Никакого бога нет при мне! – И она протянула к Володе раскрытые сморщенные ладони, словно показывала: зла не держу, оружия нет. – Никаким колдовством я не сделаю вреда тебе. А может быть, ты спустился со звезд? Но почему тогда ты испугался чограма?

– Ничего я не испугался! – запальчиво возразил Володя.

Он уже порядком устал бояться и устал от этой странной старухи. Ее речь была понятна ему – и в то же время перемежалась словами, о смысле которых он догадывался с трудом, как будто знал их когда-то, очень давно, а теперь забыл и смутно припоминал забытое. Кажется, она говорит на языке нивхов! Отец Володи был нивх, и дедушка с бабушкой – отцовы отец и мать, которые умерли очень давно, когда Володя только родился, – они тоже были нивхи. А мама Володи русская, и родители ее русские. Глаза у него зеленые, волосы каштановые, как у мамы, но черты лица – высокие скулы, узкие глаза, смуглая кожа – точь-в-точь как у отца. Однако языка нивхов Володя не знал, а тут слушал старуху, говорящую по-нивхски, и все понимал. Мало того – сам отвечал ей. Чудеса...

Вообще сплошные чудеса! Сама бабуля явно со странностями. То мертвецом его обозвала, то к звездным людям причислила. Инопланетянин теперь Володька Зиновьев! Нет уж, хочется ему подальше от этой старушки и всех здешних непоняток и страхов оказаться, хоть дома он только и делал, что мечтал обо всяких необыкновенных приключениях.

И он вежливо попросил:

– Бабушка, пожалуйста, покажите мне дорогу на восточный склон, про который вы говорили! Я хочу найти наш вертолет. Может быть, там все в порядке, дед меня ищет...

– Ну что же, я провожу тебя туда, – помолчав, ответила старуха. – Но в Млыво – селение мертвых – возвращаясь, позволь и мне взобраться на небо по веревке, на которой ты спустился сюда. Днем и ночью жду я, когда настанет мне пора уйти в Млыво, но все живу... Не хочу сама на съедение чограмам броситься, потому что это грех. Не соберут мне соплеменники дрова для погребального костра – одна я на свете, нет никого из племени моего!

Володя смотрел на старуху, медленно моргая. За ее спиной копились тени, еще более темные, чем даже та темнота, которая сгустилась в углах шалаша, куда не достигал свет костерка.

Однако чем дольше смотрел на них Володя, тем лучше различал в темноте промельки бледных печальных лиц, иссохшие руки, которые то и дело вздымались к этим лицам, чтобы утереть невидимые ему слезы...

Что это? Какие-то печальные воспоминания старухи, которые живут рядом с ней? И кого они оплакивают? А может быть, это те самые жители Млыво, селения мертвых, оплакивают свою смерть?

Володя тряхнул головой, отгоняя ерунду, которая так и лезла, ну так и лезла в голову. Насупился, покосился на старуху.

Ее слова обладали каким-то странным свойством. Они как бы материализовались, они создавали видения...

Хорошо бы сейчас оказаться подальше от нее! Хотя, если честно, Володе было жаль эту несчастную женщину, скорчившуюся у тусклого костерка. Наверное, дети ее уехали в город, выучились там, работают, а она свои дни доживает в этом первобытном шалаше...

Понятно, что на восточный склон придется топтать по тайге на своих двоих. Надеяться на то, что у старухи рядом с шалашом окажется вездеход или хотя бы самая завалышечная «газель», – самое глупое, что можно сейчас сделать...

История старой Унгхыр

Сильный шум послышался вдруг снаружи. Будто сюда, в сердце тайги, залетел прибрежный тайфун и закипел в кронах вековых деревьев. Стены шалаша ходуном ходили! А старуха легко поднялась, подскочила к входу и сдвинула не то тряпку, не то шкуру, которая его заслоняла.

Странные, тонкие клики неслись с вышины: не ветер это шумел, а хлопали крылья многих птиц. Вот стая на миг закрыла луну, звезды над шалашом.

– Хонглик! Вакук! – закричала старуха. У нее был такой голос, словно она звала добрых старых друзей. – Саньпак! Нымгук!

Саньпак... Это слово Володя тоже знал. Ведь это нивхское имя. Так звали его бабушку, мать отца. Гораздо чаще, правда, ее называли Александрой Ивановной или, как Володя, бабой Сашей. Но в паспорте у нее стояло имя Саньпак. Почему эта старуха зовет птиц человеческими именами?

Несколько птиц меж тем отделились от стаи и влетели в шалаш. Черные, величиной с ворона, с красными глазами. Они пронзительно кричали, и так же пронзительно и неразборчиво вторила им старуха. Казалось, они обсуждали какие-то важные дела...

– Перахра, нхак, олухна... – услышал Володя слова, похожие на заклинания, и тут все кругом словно бы заволкло дымом.

Володя долго тер кулаком слезящиеся глаза, а когда открыл их, увидел, что вокруг костра сидят несколько молодых женщин. Все они были в черных халатах с желтыми узорами на рукавах и подолах, а одна, наоборот, в желтом халате с черными узорами, знакомом уже Володе. Так была одета старуха, хозяйка. Но теперь у нее были длинные черные глаза – будто звезды блестели они. И она была красавица, совсем молодая красавица. «Это старуха в красавицу превратилась!» – понял Володя. Еще бы понять, как это произошло!

Он снова потряс головой – вдруг хоть это наваждение исчезнет? Однако все осталось по-прежнему, и Володя подумал, что голову, наверное, нужно поберечь. Тут на каждом шагу какие-то чудеса, и если беспрестанно трясти ею, отвалится небось!

Но что же делать, если все так непонятно и, прямо скажем, страшно?! Хоть бы объяснил кто-нибудь, что же вообще происходит?!

– Не бойся тахть – ночных птиц, – проговорила в это мгновение красавица. – Это подруги мои. Раньше девушками были. Вот это Хонглик, это Саньпак... А меня зовут Унгхыр – Звезда.

– Звезда... – повторил Володя. Она и правда теперь похожа на сияющую звезду. Только очень грустная. И подруги ее тоже грустные. Все красавицы – и ни одна не улыбнется!

– А почему они такие печальные? – шепотом спросил Володя. – Ну, подруги ваши – в гости к вам собрались, но молчат. Как будто на похороны! На поминки!

Он тут же испугался своих слов, но Унгхыр только кивнула:

– Это правда. Они собрались на поминки по своей молодой и счастливой жизни. На поминки по самим себе.

Еще того не легче! На поминки по самим себе!

– Но как это? – проговорил Володя дрожащим голосом. – Они что, умерли? Или они птицы? Я ничего не понимаю!

– Они умерли, – кивнула Унгхыр. – Их погубила я. Я – и чограмы. Слушай, я тебе расскажу эту историю из старых дней... таких же старых, как я сама.

Мы работящими девушками были. День и ночь шили, все что-нибудь шили. Из бересты посуду делали. Работая, пели... – Она высоким голосом затянула: – Анн-нга... ыннн-нга! – Взглянула на подруг, словно ожидая, что они подхватят, но те молчали.

Унгхыр тоже помолчала, понурясь, потом опять заговорила:

– Голубую лилию найти мечтали. Голубая лилия насыщает голодных, исцеляет больных, исполняет заветные желания. Целебны и сладки луковицы ее. Отведав, пожелаешь отведать снова. А как прекрасен цветок ее! Увидев, пожелаешь увидеть снова. Но голубую лилию стерегут чограмы...

Если бы ты знал, как все боятся чограма! Страх перед ним сильнее всех других страхов, ибо после встречи с чограмом от человека не остается ничего. И только во имя чудодейственной голубой лилии отправлялись женщины племени нивхов в потайные и опасные места, потому что цветок и луковица голубой лилии могли вернуть здоровье больному, жизнь умирающему, счастье несчастному.

Собирать цветы и корни – не мужское дело. Поэтому за голубой лилией шли только женщины.

Сначала старейшины племени долго выбирали тех, кто отправится в поход. Только смелой, ловкой и сильной нивхинке позволялось идти. Ведь, испугавшись плача чограмов, погибнуть могла! Только добрых духов молить о помощи оставалось тем, кто растеряется...

Самую сильную, самую смелую, самую ловкую из всех выбирали вожаком – такую, которая и сама не испугается, и другим свой страх не передаст. Страх ведь – как огонь. Испугавшиеся женщины – как сухая трава. Одна от другой вспыхнут – и вот уже никого не осталось.

Если в тайге голос чограмов раздастся, нивхинки должны окликать друг друга, в один ряд за вожаком становиться. Сначала самые сильные, потом те, что устали, ослабели. Здоровые не должны были гибнуть из-за слабых. Закон похода: пусть немногие погибнут – большинство спасутся. Но вот однажды не спасся никто, – тихо молвила Унгхыр и на некоторое время умолкла. Потом опять заговорила: – Давно это было... Тогда как раз лето засыпать думало. Орлиный месяц кончался. Пошли нивхинки в тайгу, в заповедные места, за голубой лилией. Кто луковиц набрат, кто цветов.

Я никому не говорила, зачем мне цветок. Кто спросит – я глаза опускала, молчала. Перестали спрашивать, но вожаком меня выбрали.

Сначала мы на лодках полдня плыли против течения, потом к берегу пристали, в чащу вошли. Долго искали потайную поляну. И вот нашли. Стебли у лилии выше, чем у сараны, листья меньше, а на нескольких веточках – голубые цветы. В бутонах они светло-голубые, как небо под солнцем в зените. А увядая, почти черными, будто ночь, становятся. Но вся красота – в раскрывшихся цветках. Они похожи на вечернее небо, когда солнце уже ушло спать, но первая звезда еще не появилась.

Голубой лилией любясь, долго мы стояли молча, но день уже спешил встретиться с вечером, надо было торопиться. Мы наполнили луковицами берестяные чумашки, не забыв по зубчику от каждой отделить и на прежнем месте посадить, чтобы снова здесь зацвела голубая лилия. Я цветок на груди скрыла. Потом в обратный путь все отправились.

И вот... много шагов пройдя, плач чограмов услышали. Я поставила женщин друг за другом, сама встала впереди. Куда я бегу – туда и остальные. А плач чограмов, их жуткий скулеж, точно веревкой ноги спутывает. В груди у каждой страх тлеет, но бегут женщины за мной.

И вдруг я поняла, что потеряла цветок, потеряла заветную голубую лилию! Ахнула, остановилась. Где, да где же она?.. Туда-сюда бросилась – но разве найдешь потерянное в глухом подлеске, меж зубчатых листьев папоротника?

Вскрикнула я отчаянно – а женщинам в моем голосе растерянность почудилась. Мигом пламя страха охватило их, врассыпную бросились. Мечутся туда-сюда, а я, будто ничего не видела, стонов чограмов не слышала, искала свою заветную голубую лилию. Ведь для того я за цветком в опасный путь отправилась, чтобы обратил ко мне свое сердце Ючин, храбрый охотник...

Ах, как я его любила! – громко воскликнула Унгхыр, всплеснув руками. – Он был самым красивым из всех охотников. У Ючина юбка серебристая из нерпы, наколенники многоузорные, брови черные, соболиные, ресницы похожи на кисточки из ушей зимней белки. А я разве хуже? Все говорили, что красива и я, всех подруг красивее! Мои тонкие руки и тонкие пальцы были похожи на молодые побеги тальника, по плечам волосы рассыпаны, черные и упругие, как тетива на луке, а в косы их заплету – толстые косы получаются, подобные хвосту черной бурой лисы. Рот был маленький, как лесная ягода, лицо белое, с ушей свисали золотые серьги, носила я красивый вышитый халат. Сердце мое только для Ючина билось, слова песни только для него слагались...

И Унгхыр тихонько запела:

Ночь и день о тебе думаю.
Если уедешь, о тебе лишь помнить буду,
Где ты ходил, там и я ходить буду.
Ты из всех людей самый лучший, самый прекрасный.
О, возьми меня с собой!
Твоей сумкой с кремнем, что на поясе твоём висит,
сделаться хочу.
Сделаюсь дном твоей лодки,
С тобою быть хочу!
Как дождь, текут
Слезы мои...

Ах, как я его любила, Ючина... Перья кукушки пережженные – великое привораживающее средство! – в табак ему подмешивала. Но не помогло колдовство, не полюбил Ючин меня. Усмехался только: «Что на меня все время смотришь? Разве я один – человек?» Ючин на другую девушку, на Хонглик, ласково глядел, ее в жены взять хотел... Одна надежда на голубую лилию оставалась – но вот нету больше цветка у меня! Потеряла я его!

Заплакала было я, как вдруг кто-то меня за рукав дернул. Глянула – а это Хонглик, невеста Ючина.

– Спасайся! – крикнула она. – Чограмы уже близко!

Тут я очнулась, плач звериный совсем рядом услышала, увидела, что подруги мечутся в страхе. Поняла, что можем мы все погибнуть!

Начала я подруг скликать-собирать: кого догоню, за косу схвачу, кого за полу халата поймаю – но все, пропали мои сила и власть, больше не слушались меня женщины... Бегала-бегала я за ними – и сама не заметила, как на берегу оказалась.

Лодки, к ивам привязанные, на воде тихо покачиваются. Волна песку о чем-то ласково шепчет.

Долго-долго ждала я на берегу. Весь вечер ждала и всю ночь. Но ни одна женщина, кроме меня, из тайги не вышла, ни одна моя подруга не вернулась. Два десятка за голубой лилией отправлялись – но все погибли из-за меня, из-за моей любви к Ючину...

Утром я лодки отвязала, по течению пустила. Не хватило у моего сердца сил в селение вернуться, людям рассказать, что я сделала, Ючину в глаза поглядеть, за гибель Хонглик ответ перед ним держать. Да и не узнал бы Ючин прекрасной Унгхыр в той старухе, какой я за ночь сделалась, погибших подруг ожидая и слушая голоса чограмов...

Я в тайгу ушла, одна жить стала. Никого из людей с тех пор не видела. И только тахть – ночные птицы, в которых обратились души Хонглик, Закук, Саньпак и других моих подруг, погубленных чограмов, – только они иногда навещают меня. Зла на меня они больше не

держат – много, ох, много раз приходили с той поры орлиный месяц и вороний месяц, много раз зима сменялась летом. Время все прощает...

Володя встряхнулся. Женщины в черных халатах исчезли. Сидела у костра старая Унгхыр, а вокруг нее – черные птицы величиной с ворона, с красными клювами и печальными глазами...

Раненый зверь

И тут Володя снова задумался: куда он попал? Он, Володька Зиновьев из 14-й школы Нижнего Новгорода, обыкновенный мальчишка, который во время летних каникул приехал на Сахалин навестить деда с бабушкой? У всех друзей нормальные каникулы: Валерка Черкизов гостит у дядьки в приволжском городке, Юля Комарова – аж в Париже, у каких-то знакомых. Зойка Семенова, правда, в городе осталась... Но ведь все отдыхают как люди, один Володька в какую-то историю угодил.

Что вокруг творится? Если то, что он вдруг оказался в тайге, еще можно объяснить потерей памяти после аварии вертолета, то как объяснишь превращение птиц в женщин? А то, о чем рассказывала Унгхыр? Чограммы – неведомые существа, голубая лилия – неведомый цветок... «Фантастика», – беспомощно подумал Володя, не зная, что еще подумать.

Зачарованные птицы-девушки тахть улетели, когда темнота ночи чуть-чуть побледнела. Потом небо стало светлеть все быстрее, и наконец из-за облаков потянулись во все стороны бледно-желтые полосы солнечных лучей.

Запели птицы, и несколько минут Володя сидел совсем ошеломленный: никогда он такого не слыхивал! Сначала хор птичьих голосов казался сплошным и однообразно-оглушительным, а потом выделилось в нем звонкое чириканье, и радостный щебет, и веселое тирлиньканье, и долгие, будто насмешливые, посвисты, а то еще изредка всполошенно взвизгивала какая-то пичуга.

Костер тихо тлел посреди шалаша. Серый дым слоистой струйкой втягивался в круглую дыру вверху.

Старуха поднялась и выбралась наружу, оглянувшись на Володю. Он понял: сейчас старая Унгхыр отведет его на восточный склон! – и выскочил следом с одной мыслью: как можно скорей убраться отсюда! Из мира этих превращений, из мира протяжных песен, ледящих душу таежных шорохов и звуков, из рассказов о старинных чудесах! Убраться – и поскорей окунуться в привычное, понятное, а это все забыть – и не оглянуться никогда, ни-ког-да на часы, проведенные здесь!

Главное, чтобы люди, которые были вместе с ним в вертолете, остались живы. И чтобы не переставали его искать!

А вдруг уже перестали и улетели?! Нет, такого быть не может. О таком лучше и не думать!

Унгхыр не спеша шла впереди по чуть заметной тропе, отводя от лица ветви и придерживая их, чтобы они не хлестнули Володю. Она ни разу не оглянулась, но, если Володе становилось трудно идти или он уставал, Унгхыр замедляла шаги, словно чувствовала это.

Нынче днем тайга уже не казалась такой пугающей, как вчера. «Наверное, правду говорят, что человек ко всему привыкает», – подумал Володя.

И вздохнул уныло, потому что абсолютно не хотел привыкать к тому, что происходило с ним.

Путники шли долго. Трава, в начале пути влажная от росы, подсохла, только у самой земли еще была сырой, а верхушки стали жесткими и сухими.

Тропа все не кончалась. Володя шел и думал, что, конечно, это был сон – там, в шалаше: сон про птиц-женщин, про молодую Унгхыр – вон впереди маячит сгорбленная старушечья спина...

Ой! Да где же она?

Впереди никого не было!

Володя метнулся туда, сюда... Он уже привык к старухе, да и жалко ее стало после того, как узнал ее историю. А главное – что теперь одному делать? Куда идти? Где восточный склон? Ежу понятно, что на востоке... Осталось теперь выяснить, где восток!

Вдруг сзади что-то зашуршало. Володя повернулся так резко, что его шатнуло в сторону. Сильно закружилась голова. С живым, зеленым, шелестящим миром начало твориться что-то странное. Его словно бы тянуло в разные стороны, вытягивало, съеживало, гнуло, скручивало... Володя вспомнил: что-то подобное происходило, когда начал падать вертолет! Но сейчас казалось, что Володя видит отражение тайги в кривом зеркале «Лабиринта ужасов», который одно время работал в подвальчике на Большой Покровской улице в Нижнем. Правда, этот «Лабиринт» скоро закрылся, потому что никаких ужасов в нем на самом деле не было: только загробный воющий музон, стробоскопы да кривые зеркала. Вот туда и перестали ходить: скучно и не страшно.

Здесь не было музыки, не было игры света – здесь была тишина. Солнечный свет померк и стал не радостным, а безнадежным. Под ногами заколебалась почва, словно и земля стала зыбким пеплом... зыбучими пепельными песками, которые вот прямо сейчас разверзнутся – и утянут Володю в какие-то глубины преисподние, где он задохнется и сам обратится в пепел.

Мир помертвел... так же, как сам Володя помертвел от ужаса, когда разглядел среди листвы устремленные на него немигающие желтые глаза.

Володя уставился в них, но чем дольше смотрел, тем дальше отступало от него злое, мертвящее ощущение, а в мир возвращались привычные очертания, свет и краски. Почему-то у Володи возникло ощущение, будто он держал под этим взглядом какой-то экзамен, и выдержал его, и именно поэтому мир ожил, а не рассыпался прахом.

И вдруг мелькнула догадка: «А может быть, это существо хотело убить меня, потому и напустило столько ужаса? Или даже убило, а потом передумало, и я теперь ожил? И потому все снова кажется нормальным?»

Возможно, в голову ему лезли какие-то глупости, но спросить, так или нет, было не у кого, кроме неизвестного существа, с которым они сейчас неотрывно смотрели в глаза друг другу.

В желтых глазах было нечто чуждое, жестокое, непреклонное – и в то же время живое, трепетное и даже, можно сказать, дружеское. Володя стоял неподвижно, боясь спугнуть или разозлить обладателя этих внимательных глаз.

Наконец лапки низеньких темно-зеленых пихт шевельнулись, раздвигаясь. Высунулась голова какого-то зверя. Была она круглая, с короткими торчащими усами, будто кошачья, только гораздо крупнее, размером с голову большой собаки. И морда не злая, не хитрая, а тоже похожая на собачью. Зверь осторожно продвигался вперед, как-то странно припадая на левую сторону, и вдруг он взвизгнул и оскалился, но Володя понял – это не от злости, а от боли! Поскуливая, как побитый щенок или голодный котенок, зверь приближался, неотрывно глядя на мальчика желтыми глазами. И Володя догадался, что привлекало в них: нормальный, круглый, как у человека или собаки, зрачок, а не узкая щелочка, как в глазах тигра, рыси или кошки. Словом, этот зверь был собакой куда больше, чем кошкой, и Володя, который очень любил собак, поглядел на него с меньшей опаской.

Зверь подошел совсем близко. Повернулся боком – и Володя даже вскрикнул. Между его ребер торчал обломок какой-то палки, покрытой запекшейся кровью. Серо-желтая короткая жесткая шерсть вокруг раны тоже была в крови.

Зверь заскулил еще жалобнее, а в желтых глазах, по-прежнему обращенных к Володе, появилось что-то просящее.

«На сук где-то напоролся, – решил Володя. – И уже день или два прошло... Как же мучился, если за помощью к человеку обратился!»

Он читал и слышал всякие такие истории, но не очень-то им верил, считая выдумками писателей или просто охотничьими байками, но вот сам с такой «байкой» столкнулся!

Володя осторожно взялся за торчащий обломок. Зверь вздрогнул, напрягся. Володя уцепился ногтями, потянул – и в руках у него оказался кусок стрелы с окровавленным зазубренным наконечником, прикрученным к древку узкой берестяной лентой...

Вот тебе и «на сук напоролся»... Да беднягу же подстрелили! И отнюдь не из охотничьего ружья!

Володя обалдело разглядывал стрелу. «Откуда это здесь?! Надо же!» – подумал он, как уже не раз думал вчера и сегодня. А больше ничего не шло в голову.

Он машинально завернул обломок в лист папоротника, сунул в карман джинсов. Другим листком оттирая руки, обнаружил, что порезался этой окровавленной стрелой: на указательном пальце осталась царапина. Володя замотал ее носовым платком и подумал: надо бы, наверное, и зверю что-то приложить к ране – но только что? И позволит ли он?..

Поднял глаза на зверя – и вдруг тот, издав невнятный звук, вроде короткого мяуканья, отпрыгнул в кусты. Зашуршал пихтач – и опять тихо стало в тайге, будто ничего и не было, а просто кончился еще один Володин сон...

Но кончился этот – начался другой: кто-то засопел сзади, и не успел мальчик повернуться, как на него обрушилось что-то темное, заслонило глаза. Сильные и ловкие руки стянули его путами, потом его подняли и куда-то понесли.

Это оказался не сон – это оказался кошмар.

Шаман

Вокруг царила тишина, только вдали будто гудел вертолет. Кружит высоко, гул то утихает, то снова усиливается...

Вертолет?!

Володя открыл глаза. Он стоял, привязанный за руки и за ноги к какому-то небрежно обтесанному столбу; саднило ладони от зазубрин, а руки были вывернуты назад так крепко, что ныли плечи.

Никакого вертолета... Почудилось.

Жаль, что не почудилось все остальное!

«Я в плену у индейцев? – тупо подумал Володя. – Нет, на Дальнем Востоке нет индейцев... Я попал к каким-то дикарям, которые отстали от жизни, если охотятся с луками и стрелами и привязывают пленников к столбам. Живут как в каменном веке. А может быть, я и впрямь в каменном веке?!»

Он испуганно огляделся – и больше всего на свете пожелал очутиться в каменном веке, в Средних веках, в царской России, в светлом будущем – да где угодно, только не здесь, не здесь!

«Млыво... Селение мертвых...» – вспомнились слова старой Унгхыр.

Пришел-то он не оттуда, но, кажется, угодил именно туда.

Вокруг Володи, сомкнувшись плечом к плечу, близко-близко стояли неподвижные существа, с ног до головы укрытые чем-то темным. Но лица их были бледными, белесыми – безглазые, безносые и безгубые, лишь кое-где покрытые серыми трещинками... лица без всякого выражения, без промелька жизни в них!

У Володи подогнулись ноги. Он, конечно, упал бы, если бы не был привязан так крепко. Обвис на веревках, водя глазами по сторонам.

Изредка то один, то другой мертвый поднимал руку... среди складок темных одежд мелькала белая кисть... от каждого такого медленного, плавного, враз зловещего и равнодушного движения у Володи на миг переставало биться сердце, и столько боли разливалось в груди, что он бы ничуть не удивился, если бы сердце от этой боли однажды замерло и больше не забилося.

Постепенно страх уходил, безразличие заволочло мозг и душу. Может быть, он умирал – но смерть была бы избавлением от страха.

И вдруг одна мысль пронзила Володю: умерев, он сделается такой же безликой и безглазой тварью, как все *эти*...

Может быть, когда он умрет, ему будет все равно, но пока он еще был жив, он не хотел, ни за что не хотел становиться в этот безнадежный, тоскливый круг!

Господи... да ведь круг постепенно смыкается! Мертвые подходят ближе и ближе, и все более частыми становятся равнодушно-хищные взмахи их рук!..

Володя задергался, пытаясь вновь встать, закричал, вернее зарычал, неразборчиво, зато, он надеялся, грозно...

Что-то тяжело ударило, словно раскат грома. И внезапно к Володе подскочил человек.

В первое мгновение Володя чуть не ахнул от счастья, увидев живое существо среди этих белесых пятен, но сразу же понял, что радоваться рано.

Худое, все в резких складках лицо незнакомца состояло, казалось, из одних углов, а между нависших морщинистых век будто угольки раскаленные воткнуты: столько злобы горело в маленьких глазках. На лицо свешивались черно-седые пряди, а на голове – венок не венок, а будто бы стружки древесные, свитые вместе, надеты. И на поясе такие же стружки. Черный халат с огненной молнией на груди развевается.

Не то пляшет, не то скачет человек, быстро-быстро перебирая ногами, мелькая мягкими сапожками да черными, с огненным узором, наколенниками. В руках мечется обруч, не то тка-

ню, не то кожей обтянутый. С одной стороны ремни перекрещены, к ним деревянное кольцо привязано, и человек то и дело за это кольцо дергает. Гудит обруч, жужжит, визжит на разные голоса, будто тысячи неведомых живых существ в нем скрыты. А с другой стороны на шкуре – изображение зверей. Вот, кажется, лось склонил рогатую голову. Вот змея свилась в кольцо...

Дома у Володи была книжка со старинными фотографиями нивхов. На одной был изображен примерно такой же человек. Подпись поясняла, что это шаман – то есть нивхский колдун.

Неужели и это шаман?! Но в жизни он куда страшней, чем на картинке!

В это мгновение Володя вдруг совершенно отчетливо осознал, что из этого странного мира, в котором он неожиданно и совершенно против своей воли оказался, выбраться будет куда сложнее, чем думалось раньше. Тогда казалось что? Дойдешь до восточного склона – и вдали покажутся очертания Прибрежного, мимо промчится попутка, которая, конечно, остановится, когда Володя отчаянно начнет голосовать, – и скоренько добросит его до дедова дома. Бабушка подаст на стол пельмени с неркой и кисель из голубики – самые любимые Володины блюда...

А вдруг восточный склон окажется всего лишь еще одним склоном сопки – склоном, поросшим тайгой, склоном, на котором нет троп, а если даже и есть, они ведут куда угодно, только не в прежнюю жизнь?

Что, если к прежней жизни нет возврата?!

Эта мысль показалась до того ужасной, навевала такую тоску, что Володя побыстрее отогнал ее, словно какой-нибудь зловещего вампира, который собирался испить его крови.

Кровь не кровь, но силы у него от тоски уходили, это точно!

Однако сейчас терять силы совсем даже не вовремя! Сейчас, кажется, вопрос стоит не выбраться отсюда или не выбраться, а жить или не жить!

Володя огляделся.

На утоптанной поляне торчала засохшая елка. Ветви на ней были все срублены, только четыре осталось. И на них, среди желтых полуосыпавшихся иголок, тоже висели кудрявые стружки. Вокруг елки воткнуто несколько прутьев со свернувшимися в трубочку сухими листьями: вот, кажется, клен, ольха... И еще чудо: стоит, накренившись, под елкой деревянный, грубо вырезанный идол.

Тут Володя чуть не ахнул от изумления: оказывается, напротив – как он только не приметил ее раньше! – точно так же, как и он, привязана к столбу старая Унгхыр. Теперь шаман – или как его там? – перед ней скакал.

И вдруг мертвецы, что толпились вокруг, одинаковыми движениями сорвали свои белые личины. У Володи тошнота подкатила к горлу – а вдруг там окажутся голые черепа? – но нет, это были обычные человеческие лица. Раньше они были скрыты берестяными масками, которые теперь полетели в стороны – так же, как и пихтовые ветви, которыми были люди укрыты!

Теперь это оказались мужчины, женщины, дети. Все в узорчатых халатах, у всех косы: у женщин – по две длинные, у мужчин – одна: пожестче, покорооче. У женщин – налобники из затейливо скрученных железок, из маленьких звериных шкурок, ажурные подвески покачиваются. Все стоят как зачарованные, глаз с шамана не сводят, слушают его пение, одобрительно выкрикивают:

– Ух-та! Ну, давай!

А шаман после таких одобрений еще быстрее скачет, еще ловчее извивается, еще громче распекает:

Куа, куа, куа!

На той горе живущие большие волки, двое вместе,
ко мне явитесь!

В море живущий красный сивуч,
Ко мне на помощь явись!

В туче живущий ярый гром,
Греми оглушительнее, сильнее ударь!

Молния, сверкая ослепительно,
Вонзи свой огненный палец в головы оборотней!

Пепел их соберем, развеем по ветру,
Чтобы не проросло злое колдовство черным
папоротником,

Чтобы отступились чограмы,
чтобы вновь расцвела в тайге голубая лилия,

Насыщающая голодных, исцеляющая больных,
исполняющая желания!

– О голубая лилия! – простонала толпа.

– Слушая, ушам своим не верю! – вдруг громко воскликнула, перекрывая шум, старая Унгхыр. – Неужели с тех пор, как погибли молодые женщины, что в поход за голубой лилией отправились, перевелись храбрые среди нивхинок? А если молодые не знают дорогу, почему не подсказал им ты, Ючин? Неужели забыл? Но я говорю: напрасно ты вместе со всеми повторяешь глупые слова, будто навсегда отцвела голубая лилия!

Толпа замерла, будто лишившись дыхания. Володя понял, что Унгхыр знает этого шамана.

А тот опустил бубен на землю и подошел к Унгхыр:

– Что такое ты говоришь, женщина-оборотень?

– Я не оборотень, Ючин, – ответила Унгхыр. – Чего ты меня боишься? Ты человек – и я тоже человек.

– Тогда откуда знаешь старые имена? Да, меня звали когда-то Ючин, храбрый охотник Ючин. Но кто теперь то имя помнит? Зовут меня теперь Чернонд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.